

Светлана Алешина

Большая волна

*Часть сборника
В пекло по собственной воле
(сборник)*

Светлана Алешина

Большая волна

«Научная книга»

1999

Алешина С.

Большая волна / С. Алешина — «Научная книга», 1999

«...Семен привез нас в Крабовозаводское, вернее на то место, где оно раньше находилось...В поселке не осталось ни одного целого здания. Корпуса консервного завода, стоящего на самом берегу уютной бухты, угадывались по фундаментам зданий и редким завалам кирпичей. Кругом торчали какие-то обрывки и обрезки труб, создающие непроходимый лабиринт. Меня поразило отсутствие завалов, которые я ожидала увидеть. Я помнила землетрясение в афганском Файзабаде и ждала чего-нибудь подобного, но тут оставалось впечатление, что завод просто срезали с лица земли какими-то огромными тупыми ножницами, которые плохо резали металл, а только рвали его. Мы с Чугунковым походили по берегу и решили не смотреть на жилые дома поселка. Там уже работали спасатели. Самое общее представление о силе, обрушившейся на остров, мы уже получили...»

© Алешина С., 1999

© Научная книга, 1999

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Светлана Алешина

Большая волна

Глава первая

Я просто голову сломала над проблемой, которая периодически возникает в жизни каждой женщины – что подарить мужчине, которого любишь и уважаешь?

Ладно бы еще речь шла о простом пятидесятилетнем юбилее, хотя для мужчины этот возраст никак не назовешь обычным – мужчина в пятьдесят лет словно переходит какую-то черту и из Героя превращается в Мудреца, если, конечно, речь идет о настоящих мужчинах. Но моя проблема была совершенно особенной. Мужчина, которому мне надо было выбрать подарок, лежал в госпитале, парализованный после серьезного ранения в голову. Сколько он еще будет оставаться в таком состоянии – было неизвестно ни врачам, ни его жене и уж тем более – мне.

Григорий Абрамович уже больше месяца не мог двигаться – пуля задела какие-то важные нервные центры, и врачи перепробовали уже все, что знали и умели сами, все, что смогли достать им друзья Григория Абрамовича, и твердо обещали, что вот-вот должен проявиться результат их усилий – лечащий врач рассчитывал, что восстановится способность говорить и двигаться, но... только для верхней части тела, ноги еще на неопределенное время останутся парализованными. Ходить он сможет еще не скоро.

Я обежала все тарасовские магазины, внимательно обследовала все наши самые оживленные торговые ряды в надежде, что неизвестная вещь, которую ищу, сама попадется мне на глаза и я тут же ее узнаю. Однако ничего похожего не произошло. Я пыталась представить, что у меня у самой, как у Григория Абрамовича, из всех органов чувств осталось только зрение, а из всех способностей – только способность мыслить, и никак не могла психологически войти в такое состояние даже с моим опытом применения метода психологического резонанса. Я просто не могла представить себя неподвижной и беспомощной!

Наконец я решила отнестись к этой проблеме чисто логически – ведь ничего другого мне не оставалось. Раз Григорий Абрамович может только видеть и думать, решила я, значит, ему нужно подарить какую-нибудь картину, смотреть на которую ему было бы приятно.

И я отправилась в художественную галерею под названием «Анима», которая специализировалась главным образом на изображениях животных. Ее директором был Севка Франкенштейн, который два года учился вместе со мной на психологическом, но ушел, чтобы зарабатывать себе мировое имя, рисуя собак. Несмотря на мрачную фамилию, он был добрейшим малым и со своим литературным тезкой был схож только в одном – творения и того и другого вызывали у тех, кто их видел, панический ужас.

Мировая художественная общественность так и не узнала о невспыхнувшей звезде таланта художника-анималиста Всеволода Франкенштейна. Поняв, что знаменитого художника из него не получится, Севка оставил попытки создавать художественные произведения и попробовал заняться их продажей. Пока я защищала сначала диплом, потом – диссертацию, мотаясь между делом по горячим точкам планеты в составе федеральной группы спасателей, куда меня завербовали еще на третьем курсе университета, Севка проявлял чудеса предприимчивости, сколачивая себе, как он выражался, «капиталец» на перепродаже того, что рисовали другие.

И сегодня, когда я стала командиром ФГС-1 вместо раненого Григория Абрамовича, Севка имел в Тарасове несколько магазинов и художественную галерею, вокруг которой концентрировались все городские анималисты. Севка довел уже свой «капиталец» до того размера,

когда деньги приобретают способность к размножению и сами начинают производить деньги, если им не мешать в этом своими коммерческими идеями, и утратил интерес к бизнесу. Он решил вновь заняться рисованием и в небольшой мастерской, которую сделал себе при галерее, просиживал сутками перед листом ватмана с куском угля в правой руке и бутылкой пива в левой. Я по старой памяти забегала к нему поболтать о пустяках и полюбопытствовать о его успехах.

Севка ценил мой интерес к его «творчеству» и отвечал мне взаимным интересом ко всему, что связано со спасательством. Он сообщал мне свое мнение о работе спасателей в надежде услышать мое о его работах.

Правда, от моего замечания по поводу того, что его галерея названа как-то неправильно, потому что «anima» – это по-латыни «душа» и к анимализму не имеет никакого отношения, Севка отмахнулся, поскольку это непосредственно не касалось его творений. Выслушав меня, он спросил только, как же тогда правильно, и, секунду подумав, заявил, что «animal» ему не нравится, звучит как-то не очень благозвучно. Да и кто сказал, что у животных нет души, возразил он. Мне пришлось с ним согласиться, мне тоже кажется, что у тех же любимых мною собак душа намного тоньше и чувствительнее, чем у иных людей.

К Севке я отправилась потому, что после долгих размышлений решила подарить Григорию Абрамовичу картину и повесить над его кроватью так, чтобы ему было хорошо ее видно. Мне хотелось подарить ему что-то, что выражало бы мое к нему отношение.

Я обожаю собак и уважаю собачью преданность, хотя у самой у меня никогда не было собаки. Не могу я поселить вместе с собой друга, а потом оставлять его одного, когда уезжаю на спасательные работы, просить приятелей присмотреть за ним и знать, что он отчаянно тоскует в пустой квартире, пока я мотаюсь по свету.

Но собак я люблю и уважаю. Может быть, потому, что они не способны на предательство, в отличие от мужчин.

...Я побродила по выставочному залу севкиной галереи, рассматривая медведей, лосей, кошек, ящериц, горных козлов, тигров, сайгаков, змей и даже пауков. Как нарочно, не было ни одной картины с изображением собаки!

Спросив у дежурного продавца-искусствоведа, у себя ли Всеволод Моисеевич, я поднялась на второй этаж и без стука вошла в мастерскую. Севка никогда не обижался, когда я приходила без звонка и входила без стука – он всегда рад был отдохнуть от своих творческих мучений.

– Оленька! Ты, как всегда, в самый нужный момент! – воскликнул Севка, обернувшись на звук моих шагов. – Мне отчаянно скучно, и я только что вспоминал о тебе, что-то ты долго не заходила. Забываешь потихоньку старого приятеля?

– Работа, Севыч! – развела я руками. – Только что вернулась из круиза по Каспийскому морю – Туркмения, Иран, Азербайджан...

– Отдыхала? – спросил он, протягивая мне открытую бутылку «портера».

– Что-то вроде того, – ответила я, отхлебывая глоток из горлышка. Единственное, на что обижался добрейший Севка, – это когда отказывались поддержать компанию и выпить с ним пивка, хоть чисто символически. – Этнографией интересовалась, знаешь, персидские гаремы, азербайджанское красноречие... Коврик из Шемахи привезла с портретом их президента...

Севка посмотрел на меня недоверчиво. Ну не стану же я подробно рассказывать ему, как меня держали под домашним арестом в Иране на женской половине хозяина дома – лейтенанта иранской службы безопасности и как в Азербайджане приняли за любовницу нашего министра и подарили этот дурацкий огромный ковер с портретом ухмыляющегося президента Азербайджана!

– Я тоже решил портретами заняться, – сообщил мне Севка, предвкушая мое внимательное отношение к его бесплодным усилиям воскресить на бумаге живую природу. – Вспомнил, как я собачек рисовал.

Он поставил передо мной мольберт и один за другим начал ставить на него свои этюдные наброски. Я рассматривала их очень внимательно, старательно скрывая свои затруднения в определении видовой принадлежности изображаемых им животных. Севка тем временем болтал без умолку, чтобы скрыть свое смущение и естественное авторское волнение перед первым зрителем.

Я не особенно прислушивалась к его словам, но одна фраза привлекла мое внимание, и я начала вникать в смысл того, что он говорит.

– ...поэтому идея с предсказаниями мне не особенно понравилась, – уловила я конец фразы, пропустив мимо ушей начало. – Что это он, в самом деле, какой-то Кассандрой представляется. И главное – непонятно совершенно, откуда он это все взял, все эти прогнозы? Очень неубедительно прозвучало.

– О чем ты, Сева? – спросила я. – Извини, я засмотрелась на твои работы.

– А ты не помнишь, министр ваш интервью давал перед юбилеем вашей службы? – спросил Севка. – Ну, обещал еще всяческие беды в последнем году века? Так вот – несерьезно это как-то в его положении.

– А что он говорил-то? – спросила я, потому что тоже совершенно несерьезно отнеслась тогда к выступлению министра, сочтя все, что он сказал, не очень-то оригинальной шуткой.

– Ну, я точно-то сейчас уже и не вспомню, – почесал Севка свой испачканный углем нос. – Если в общем – число всяческих бед, которые и до того щедро посещали российскую землю, в этом году резко возрастет. Всякие там землетрясения, наводнения, пожары, обвалы, цунами даже, на Камчатке где-то. Договорился до того, что метеорит из космоса пообещал – не меньше Тунгусского. Главное, непонятно – почему вдруг, как-то ни с того ни с сего? Хотя, конечно... Если приврал, то понятно – зачем. Ведь вся надежда-то тогда – на вас, на спасателей. А он – главный Спасатель. А глядишь – и Спасителем станет...

Я с изумлением посмотрела на Севку. Он сейчас фактически повторил мою мысль, которая совершенно по другому поводу пришла мне в голову месяца два назад, причем даже почти в той же форме.

Не помню точно, в чем она заключалась, но каламбур «спасатель – спаситель» и я тогда обыгрывала... Но тогда я сама себе сказала, что это – «просто бред» и выбросила все из головы. И вот, пожалуйста! Может быть, у этой мысли есть все же какие-то рациональные основания, раз она витает в воздухе?

– Слушай, а там у него ничего про Азербайджан не было? – спросила я, вспомнив вопросы, которые задавал мне перед тем, как подарить этот дурацкий ковер, который я не знала теперь, куда деть, Президент Азербайджана.

– Да там не только про Азербайджан, там про весь Кавказ было, – усмехнулся Севка. – Он им всем пообещал государственные перевороты, массовые волнения, правда, в разное время.

– То-то, я смотрю, странные какие-то они там, перепуганные, – сказала я только для того, чтобы объяснить Севке свой вопрос про Азербайджан. – Поверили, наверное, прогнозу!

Севка иронически улыбнулся.

– Ну, говори честно, – потребовал он. – Понравилось что-нибудь?

Я в замешательстве посмотрела на мольберт и вдруг увидела последний лист ватмана, который я поставила не глядя, занятая разговором.

С него на меня смотрела грустная собачья морда. Именно – грустная, хотя в глазах собаки светилась неискоренимая надежда и готовность умереть за друга. Я глазам своим не поверила. Это был просто маленький шедевр! Вопрос: «Неужели это ты нарисовал?» – чуть не сорвался у меня с губ, но я вовремя прикусила губу.

– Ты чего губы кусаешь? – с грубоватым смущением спросил Севка. – Что? Совсем плохо?

Я покачала головой.

– Нет, Севыч, совсем неплохо, – ответила я, – особенно вот это...

Я показала на грустную морду собаки.

– Правда? – недоверчиво спросил Севка. – Знаешь, если понравилось, я тебя прошу – возьми в подарок! И давай – без разговоров и всяких там вежливых отказов! Если тебе нравится – бери! Хоть одна моя работа будет висеть не у меня дома... Для меня – это лучше всякой похвалы, честное слово...

Пока я допивала пиво, Севка разыскал деревянную рамку, вырезал из ватмана свой этюд и закрепил на рамке. Он так радовался, делая мне подарок, что я просто не могла отказать, хотя и понимала, что этот этюд – его первый успех, а может быть, и последний. И тут же решила, что эту собаку я и повешу в больнице у Григория Абрамовича. Об этом я Севке не сказала, но уверена, что, если бы стала с ним советоваться, он был бы только рад.

...Моя проблема с подарком была решена.

А в день своего юбилея Григорий Абрамович преподнес мне и всем своим друзьям сюрприз. Я обычно заходила к нему рано утром, до того как идти на работу в управление МЧС. Так собиралась сделать и в этот наполненный пронзительным октябрьским солнцем день.

Сигнал телефона застал меня в ванной с зубной щеткой в руках.

– Алло! Кто это? – спросила я, недовольная ранним до бестактности звонком, и услышала в трубке знакомый и так давно не слышанный мной голос, с трудом выговаривающий мое имя.

– О-ля...

– Григорий Абрамович! – взвизгнула я от мгновенно охватившей меня радости, но сказать ничего больше не смогла, почувствовала – комок в горле не даст мне сказать в ответ ни слова

– О-ля, – по слогам говорил Григорий Абрамович, а у меня уже и слезы по щекам ползли. – Ве-че-ром при-хо-ди...

Весь день я провела как на иголках, не в силах дожидаться, когда наконец увижу своего командира и учителя не с застывшим парализованным лицом, а смотрящего именно на меня, мне в глаза своим таким знакомым взглядом – заботливым и укоризненным.

Эмчээсовский красно-синий «уазик» у корпуса, в котором находилась палата Григория Абрамовича, меня несколько озадачил.

Игорек с Кавээном тоже собирались прийти, но они сказали, что зайдут позже, им нужно было оформить документы на одного странного типа, которого сняли только что с крыши тараховского городского управления МВД. Он забрался на высоченный шпиль старинного здания, в котором располагалось управление, и требовал три бутылки пива «Балтика» четвертый номер, иначе он спрыгнет вниз. Высота там приличная, разбился бы в лепешку. Лейтенанты из управления попытались снять его сами, но мужчина начал нервничать и делать резкие движения на мокрой и скользкой после небольшого дождя крыше. Позвонили нам.

Игорек с Кавээном купили у нас в управлении «Балтику» в буфете, и мы поехали. Я думала, мне придется работать непосредственно по своей специальности – экстремального психолога, – уговаривать этого шантажиста не прыгать, а слезть со шпиля, но мне не пришлось с ним даже словом обмолвиться. Все сделал Кавээн. Он поднялся на крышу к самому основанию шпиля, поговорил о чем-то с этим человеком и спустился опять к нам.

Оказалось, тот и в самом деле просто хочет пива и больше не требует ничего. Как только ему дадут спокойно выпить три бутылки на этом самом шпиле, он слезет сам, хотя Кавээн совершенно не представлял, как он сможет это сделать без нашей помощи.

С помощью длинного шеста мужчине передали сначала пиво, потом открывалку, потом приняли одну за другой пустые бутылки – кидать их вниз он постеснялся. Потом мужчина

попытался слезть сам, чуть не сорвался и испугался. Он начал кричать совсем как небезызвестный отец Федор: «Снимите меня отсюда!»

Кавээн с третьей попытки взобрался-таки к нему и, обвязав его веревкой, спустил вниз. Врач осмотрел его и посоветовал показать специалистам из известной в Тарасове клиники профессора Тулупова, крупного специалиста по душевным болезням.

Таким образом, Игорек с Кавээном никак не могли приехать к Григорию Абрамовичу на нашем «уазике», они сейчас были заняты.

«Кто бы это мог быть?» – ломала я голову, поднимаясь на второй этаж к палате Григория Абрамовича.

Знакомый бас помог мне найти ответ прежде, чем я открыла дверь. Конечно же! Этот голос мог принадлежать только генерал-майору МЧС Менделееву, заместителю министра, старому другу Григория Абрамовича! Тому самому Менделееву, с которым мы совсем недавно пережили немало опасных и трудных минут сначала на дне Каспийского моря, а затем в Иране, в руках лейтенанта тайной полиции Мизандара.

Я открыла дверь палаты и остановилась, пораженная открывшейся мне картиной.

Менделеев стоял у окна и открывал бутылку шампанского, а рядом с кроватью Григория Абрамовича стоял еще один его старый товарищ, тоже из Первых Спасателей, с которых вообще все МЧС начиналось, генерал Чугунков, мой непосредственный начальник, руководитель министерской контрразведки и службы внутренней безопасности. Он держал в руках пустой бокал и смотрел, как очень симпатичная женщина лет сорока пяти, склонившись над Григорием Абрамовичем и выгнув спину, словно кошка, целует его в щеку.

Я тут же поняла, что это и есть та самая Елена Вениаминовна Крупнова, начальник финансового управления нашего министерства, о которой я уже не раз слышала от Григория Абрамовича. Она тоже была в МЧС с самого начала и входила в высшее руководство нашего министерства.

Как ни странно, из всех присутствующих в палате она первой меня заметила. Оторвавшись от Григория Абрамовича, она посмотрела на меня, склонив голову немного набок, и сказала, сделав шаг мне навстречу:

– А вот и Оля, о которой я уже слышала столько восхищенных слов от моих мужчин! Здравствуй, поросль молодая, незнакомая!

Слова «от моих мужчин» несколько покорибили меня. Это она что, войну мне объявляет, сразу же предъявляет права на свою собственность?

Во-первых, я никогда не претендовала серьезно на этих мужчин, хотя испытываю к ним иногда вполне определенные чувства, нечто вроде психологической близости. Но это только высоко характеризует их мужские качества, не больше того. А во-вторых, если не помнишь точно, как у Пушкина сказано, лучше вообще не цитировать.

А слово «поросль» вообще мне слух резануло. Это я, что ли, «поросль» какая-то? Я, между прочим, конкретная живая женщина, а не абстрактная поросль! Терпеть не могу, когда меня так вот обобщают и растворяют в безликой массе.

– Здравствуйтесь, ребята! – произнесла я «дедморозовскую» фразу, а эти седоватые уже мужики и впрямь начали суетиться вокруг меня, как пацаны.

Меня усадили на стул рядом с Григорием Абрамовичем, вручили бокал с шампанским, и Чугунков сказал, что, используя служебное положение в личных целях, приказывает мне сейчас же, при них, поздравить Григория Абрамовича, а также доставать свой подарок и вручать его юбиляру. Все внимание было приковано теперь ко мне, Крупнова сразу же отошла на второй, даже на третий план.

– Не знаю, Григорий Абрамович, – начала я, – какие слова подобрать, чтобы вы поняли, как я вас люблю... Скажу только, что, если бы вы предложили мне выйти за вас замуж, я бы

согласилась. – Тут я вздохнула и продолжила: – Но я точно знаю, что вы никогда этого не сделаете, и потому мне грустно. Совсем как вот этой собаке, ждущей друга.

С этими словами я достала из пакета рамку с севкиным рисунком, молоток и гвоздь.

– Смотри-ка, – пробасил Менделеев, – как похожа на Гришу!

Он имел в виду, конечно, собаку на Севкином рисунке, а не меня. Я пригляделась к собачьей морде и с удивлением обнаружила, что она и впрямь очень похожа на Григория Абрамовича.

Смущенная, я поправила одеяло у него на его груди и, погладив Грэга по шершавой щеке, сказала:

– А я очень люблю собак.

Григорий Абрамович хотел что-то сказать, но губы его слушались еще плохо, и он только посмотрел на меня грустным взглядом, отчего стал еще больше похож на нарисованный Севкой «портрет» пса.

– Ну, знаете, сравнивать Гришу с какой-то дворнягой! – слишком громко, чтоб не быть услышанной другими, проворчала вроде бы «про себя» Крупнова.

Менделеев тут же подхватил ее под руку и отвел к окну, что-то рокоча вполголоса своим басом, а меня взял за локоть Чугунков и тоже заставил сделать пару шагов, но в другую сторону от Григория Абрамовича.

«Как боксеров на ринге развели!» – фыркнула я про себя.

– Не хочу, чтоб Гриша слышал наш с тобой разговор, – сказал мне Константин Иванович и посмотрел мне в глаза очень внимательно и пристально. – Надеюсь, ты умеешь собираться быстро?

– Конечно! – ответила я ему, не отводя взгляда. – Особенно – с мыслями.

– И с мыслями придется собраться, – усмехнулся Константин Иванович, – но уже по дороге. Сегодня вылетаешь со мной в Южно-Курильск.

Я открыла было рот, но он даже не позволил мне задать вопрос, сразу ответил, догадавшись, о чем я хотела его спросить:

– Твои ребята улетят на два часа позже, их заберет московская группа, которой придется садиться в Тарасове на дозаправку.

Я почему-то сразу вспомнила Севкину фразу: «...цунами на Камчатке где-то...» и спросила:

– А дальше куда? На Камчатку?

– Почему на Камчатку? – удивился Константин Иванович и продолжил как-то странно: – Если бы – на Камчатку! А то ведь – на Южные Курилы! Вот в чем фокус! Основной удар большой волны принял Шикотан, Южно-Курильск почти не пострадал, до Итурупа только отголоски докатились, а вот японцев слегка зацепило. Но только слегка. Сильных разрушений тоже нет. Японский порт Немуро не пострадал совсем. Досталось только нескольким поселкам на северной оконечности острова Хоккайдо.

– А что случилось-то? – решила я все-таки уточнить, хотя и догадалась уже, что речь идет именно о том стихийном бедствии, которое предсказал пару месяцев назад наш министр.

– Как что? – переспросил Чугунков. – В Крабовозовском на Шикотане смыло вообще все постройки, все суда разбросало по острову, кое-где волна даже через остров перемахнула.

– Погибших сколько? – спросила я.

– Данных нет, – ответил Константин Иванович. – Сейчас уточняют. Там уже работают группы из Владивостока и Хабаровска. Может, и читинцы уже подтянулись. За ними новосибирцы подъедут, а затем уже москвичи. Но нам туда нужно раньше попасть. У меня есть задание для тебя... Не все просто с этим цунами... Наш самолет... – Он посмотрел на часы. – ... через сорок минут. Я отсюда – прямо на аэродром. Тебя домой забросить могу и подождать, если ты за десять минут успеешь собраться.

Я прикинула: на то, чтобы принять душ и переодеться десяти минут мне хватит вполне. А что долго-то собираться? Прощаться не с кем, только с пустой после ухода Сергея квартирой да с соседями по лестничной площадке, старушками-пенсионерками..

– Договорились! – кивнула я. – Значит, минут двадцать мы еще здесь с Григорием Абрамовичем вполне можем посидеть?

– Мочь-то можем, – сказал как-то неуверенно Чугунков. – Только я тебя прошу... Не цепляйся ты к Лене. Глупо это. Она же Гришку с детства знает. Мы втроем в одном дворе росли...

Что-то не понравилось мне в этой просьбе Чугункова. Он будто извинялся за Крупнову, а мне непонятно было, почему он-то извиняется, он тут вообще причем? Друзья детства! В одном дворе росли! На одном горшке сидели! Так и будете теперь за ней этот горшок носить?

– Ладно, дядя Костя! – сказала я, посмотрев на него не то чтобы недобро, но без уважения. – Не трону я твою подружку детства.

– Вот и ладненько! – обрадованно сказал Чугунков, не обратив внимания на мой взгляд. – Вот и договорились! Я и не сомневался, что ты человек миролюбивый и по пустякам ни на кого нападать не будешь!

Не знаю, что уж там говорил Крупновой Менделеев, наверное, тоже пытался отвлечь ее внимание от меня, но она вдруг воскликнула: – Господи! Гриша! Я же совсем забыла! Министр тебе письмо прислал!

Крупнова подошла к постели Григория Абрамовича и начала рыться в своей сумочке.

– Вот! – достала из сумочки аудиокассету. – Он просил извиниться перед тобой. Никак не может вырваться, даже на пару часов. Он все здесь записал. Поставить? Или ты один потом слушаешь?

Григорий Абрамович с трудом приподнял руку и сделал движение, словно собирался махнуть ей, но сил ему на это, кажется, не хватило. – Вклю-чай... – сказал он.

Крупнова сунула кассету в магнитофон, стоявший на окне, и перенесла его на тумбочку, поближе к кровати.

– Ну так включать? – спросила Григория Абрамовича, выразительно посмотрев при этом в мою сторону, словно говоря: «Ты при ней будешь слушать письмо друга? Не знаю, не знаю...»

Григорий Абрамович только молча опустил веки, разрешая включить, но мне показалось, что я уловила все же на его лице тень раздражения. Или просто мне очень хотелось ее увидеть?

Крупнова шелкнула клавишей магнитофона.

Раздалось какое-то шипение, затем негромкое покашливание, потом я услышала очень ровный, спокойный голос жестко уверенного в себе человека.

Для меня вообще очень большое значение имеют интонации, звучащие в голосе человека. По ним иногда можно понять гораздо больше, чем по словам, которые он произносит. Так просто сказать слово, наполненное ложью, но так трудно при этом избежать искусственности в тонах.

Слушая голос министра, я ловила себя на том, что не могу упрекнуть его в неискренности. Я совершенно не знаю этого человека, но тому, что слышала, я верила. Не могла почему-то не верить.

– «Привет, Гриша! – раздалось из магнитофона. – Я не буду извиняться за то, что не приехал. Мы с тобой мужики и знаем, что если не смог что-то сделать, значит, только ты в этом сам и виноват... Ну, ничего, увидимся, тогда ты и посмотришь на меня как на свинью. А потом хлопнем по полстакана и забудем обиды? Верно? Всякое у нас бывало, переживем и это... Жду тебя, как только сможешь, у себя. Сам знаешь, о чем я. Кроме тебя, никому доверить это дело не смогу. Тут нужен человек, которому я верю, надежный. Скорее давай выкарабкивайся. Дело закручивается большое. Да, можно сказать, закрутилось уже. Я уже вылез в центр внимания.

Начало сбываться. Назад теперь не нырнешь, в тине не спрячешься. Вам же в глаза смотреть стыдно будет. Я долго думал, прежде чем идти на такое...»

Крупнова обеспокоенно заерзала, закрутила головой на Менделеева с Чугунковым. Я очень хорошо поняла, что она хочет этим сказать. Можно ли, мол, этой наглой девчонке слушать, что говорит министр о своих планах? С какой стати вы все ей доверяете? Но Чугунков-то с Менделеевым знали – с какой стати. И, конечно, молчали. Они давно уже числили меня в своей команде.

«Что? – подумала я злорадно. – Съела?»

– «А потом понял, – продолжал министр, – что мы, Гриша, выросли. Это в спасателей мы все еще только играли, как пацаны во дворе, только двором вся страна стала. А теперь выросли – и мы с тобой, и Колька с Костей. Даже Ленка – и та повзрослела. Она, кстати, может, даже раньше нас повзрослела...»

«Хорошенький комплимент женщине!» – подумала я и посмотрела на Крупнову иронически. Ей тоже, кажется, слова министра не очень по душе пришлись.

– «И то, что нам с вами надо сделать, – продолжал голос министра, – уже далеко не игра. Это вполне взрослая жизнь. И законы ее совсем не похожи на наш с вами неписанный Кодекс Первых Спасателей. Я иногда сомневаюсь, можно ли эту жизнь, эту страну сделать такой, как мы с вами хотим... Плохо мне от этого становится. Понимаю, что если буду сомневаться – ни черта у меня не получится... Обязательно нарвусь на какую-нибудь предательскую подножку и разобью морду об асфальт. Ведь политика – такая вещь, в которой подножка – самое безобидное из средств, которые в ходу. Но и отказаться не могу. Если откажусь – сам себя уважать перестану. И вы меня уважать не будете... Да что я, в конце-то концов! Получилось же у нас с вами – создали такую силу, как МЧС! Я горжусь, когда понимаю, что мы с вами сделать сумели! Это немногие люди в России понимают. Это – будущее, и создано оно – нашими руками... От этого и рождается у меня надежда! И еще от того, что твердо знаю – вы всегда будете рядом, что бы ни случилось! И ты, и Костя с Колей, и Леночка... Вам верю, как самому себе!»

Крупнова посмотрела на меня торжествующе.

«Дура!» – подумала я раздраженно и отвернулась, чтобы ее не видеть.

– «Короче, Гриша! – голос министра, как мне показалось, наполнился какой-то энергией, которая требовала ответной энергии и заставляла что-то немедленно делать. – Времени нет долго болеть. Вставай! Я тебя жду! Дело ждет! вспомни, как мы себя пересиливали, когда люди в беде оказывались. А теперь вся Россия в беде! И нам с тобой ее спасать. Это – наша работа! Помни об этом...»

Раздался щелчок, вслед за ним шипение, Чугунков поднялся со стула и выключил магнитофон.

– Все, Гриша! – сказал он. – Извини, меня самолет ждет. Мы с Олей тебя покидаем... Я, между прочим, тоже на тебя надеюсь. На Курилы с собой не зову... – Он улыбнулся. – Но за советом иногда к тебе обращаться буду, имей в виду.

Я тоже встала.

– До свидания, Григорий Абрамович, – сказала я. – Не знаю, на сколько улетаю, но надеюсь, что встречать вы меня придете на аэродром...

– Конечно, конечно, Гришенька, – тут же влезла Крупнова, – ты отлежишься и встанешь, только не торопись, не насилуй себя, а то снова что-нибудь случится... Береги себя, нам всем за тебя очень больно!

«Вот дура! – вновь подумала я с негодованием. – Разве нужна ему сейчас твоя жалость?»

– Я позвоню, Грэг, – сказала я, вспомнив кличку, которой называли мы Григория Абрамовича между собой в группе и которую не знали его старые друзья. – Будешь на улицу выходить, бери телефон с собой...

И вышла из палаты. Последнее, что я видела, – слабую улыбку на непослушных губах Григория Абрамовича, адресованную мне.
Только мне одной.

Глава вторая

Почти всю дорогу до Южно-Курильска я полупроспала. Нужно было хорошо выспаться и отдохнуть впрок перед работой, которая потребует многих сил и напряжения. Мне не давали заснуть как следует письмо министра, которое просто не шло из головы, и странное задание, полученное только что от генерала Чугункова.

Я никак не могла понять, что имел в виду министр, когда говорил о том, на что он должен решиться. Что за большое дело закрутилось и причем вообще здесь политика и его, министра, уважение к себе?

Что он хотел предложить Григорию Абрамовичу, это я, конечно, знала. Грэг сам мне об этом сказал. Его уговорили возглавить новое ведомство в МЧС – управление пропаганды и связи с общественностью, при нем же теперь будет и информационно-аналитический центр МЧС. Грэг согласился, но ранение помешало ему уехать в Москву, чтобы приступить к новым обязанностям.

В конце концов я решила не загружать свою голову тем, что не касается меня непосредственно, и не проявлять излишнего любопытства. У меня ведь есть и свои дела.

И прежде всего – задание, полученное от генерала МЧС, начальника контрразведки Чугункова. Не прошло и двух месяцев с того момента, когда Грэг сообщил нашей группе, что мы передаемся в непосредственное подчинение Чугункову и будем теперь выполнять его секретные задания, оставаясь, как и прежде, в числе федеральных спасательных групп и принимая участие в спасработках.

Задание, в общем-то, с виду было самым обычным – детально разобраться с причинами катастрофы. Но как разбираться, скажите на милость, если, насколько мне известно, причина цунами – подводное землетрясение, происходящее где-то в океане на черт знает каких глубинах? Да и что в этом разбираться-то!

Я была в полнейшем недоумении, но Чугунков не захотел обсуждать со мной этот вопрос, ограничился очень формальным приказом и ушел в кабину пилотов, оставив меня наедине с моими сомнениями.

А сомнения касались прежде всего так и не решенной проблемы, от которой Чугунков то активно отмахивался, то сам предлагал ее заново обдумать.

Дело в том, что в ходе одного из заданий мне удалось получить сведения, что среди высшего руководства МЧС работает человек, связанный со стремящейся к власти политической группировкой некоего Конкурента (как мы его называли), о котором не было известно почти ничего. У него есть своя оперативная силовая структура, нечто вроде сил быстрого реагирования. Сам Конкурент и его люди испытывали патологическую ненависть к МЧС, о причинах которой я могла пока только гадать, так как информацией мы обладали мизерной. О силе этой ненависти можно было судить по участвовавшим в последнее время провокациям против МЧС. Нас пытались активно дискредитировать в глазах общественности и президента, показать нашу несостоятельность как силовой структуры. Кому и зачем это было нужно, я, честно говоря, понимала плохо.

Буквально недавно Менделеев чуть было не стал жертвой одной из таких провокаций, организованных МЧС. Не хочу преувеличивать свою роль, но мое никем из начальства не санкционированное вмешательство помогло разрушить планы наших недоброжелателей. Кстати, я тогда же окончательно убедила себя в том, что Менделеев не может быть агентом ФСБ.

Но с другой стороны – а кто может? Грэг? Мало того, что мне трудно в это поверить, но он уже месяц лежит в больнице и никак не мог быть причастен к провокации с самолетом, упавшим в Каспийское море.

Но и Чугункова мне заподозрить столь же трудно. Его я знаю не хуже, чем Григория Абрамовича. Чугунок был моим первым инструктором в лагере спецподготовки, где я проходила сборы еще совсем зеленой студенткой-психологом, и учил меня, правда, с не очень-то большим успехом, стрелять, уходить от выстрела, прятаться и преследовать, управлять всеми видами транспортных средств, в том числе подводными и воздушными аппаратами, разбирать завалы и выкарабкиваться из них самостоятельно, находить пищу в тайге и в пустыне, ориентироваться по звездам, по деревьям и по мхам, прыгать с парашютом и без него, последнему, правда, лишь теоретически, без практических занятий, за что ему большое спасибо...

А самое главное – от Чугункова я впервые узнала о существовании неписаного Кодекса Первых Спасателей – этой «нагорной проповеди» МЧС. Заподозрить этого человека в предательстве? Ну, не знаю... Тогда, пожалуй, я поверю, что и Солнце вращается вокруг Земли, а не наоборот.

А если не Грэг, не Менделеев, не Чугунков, то кто же остается?

Сам министр, в чем я не вижу абсолютно никакой логики, или «Леночка» Крупнова? Конечно, для меня самое удобное – заподозрить именно ее. Но я знаю, как легко ошибиться, увлекшись самой удобной для себя версией, которая на самом-то деле, может, к истине не иметь никакого отношения... Ну, просто не понравились мы с ней друг другу, но это же не повод сводить с нею счеты и обвинять в предательстве друзей.

Я вновь вспомнила, как Чугунков пытался защитить ее от меня, и на меня вновь накатило неприятное чувство, словно Константин Иванович Чугунков, или «майор Чугунок», как мы звали его еще в лагере, не имеет никакого отношения к тому генералу Чугункову, который руководит сегодня контрразведкой МЧС.

С этим неприятным чувством я и заснула.

Проснулась уже в Южно-Курильске. Мы с Чугунковым перешли в огромный «Ми-8» и продолжили путь к Шикотану уже на вертолете.

Судя по южнокурильскому аэропорту, тут вообще не было никакого цунами, и всю дорогу я старательно высматривала в иллюминатор хоть какие-то признаки его разрушительной деятельности. Но ничего, кроме рябоватой поверхности океана, не видела.

Мы приземлились на западном побережье Шикотана, этого небольшого островка, на единственной уцелевшей от бедствия ровной площадке, отгороженной с востока господствующей над островом невысокой горой Лысой. Ее верхушка и впрямь была голой, но вовсе не потому, что с нее снесло водой все деревья, просто, как объяснил мне Семен, водитель вездехода, предоставленного в наше распоряжение, ветер с океана, дующий практически всю весну, все лето и всю осень, сдувает с нее все. Я пожалала плечами, хотя и не очень-то поверила его словам.

Семен привез нас в Крабозаводское, вернее на то место, где оно раньше находилось...

В поселке не осталось ни одного целого здания. Корпуса консервного завода, стоящего на самом берегу уютной бухты, угадывались по фундаментам зданий и редким завалам кирпичей. Кругом торчали какие-то обрывки и обрезки труб, создающие непроходимый лабиринт.

Меня поразило отсутствие завалов, которые я ожидала увидеть. Я помнила землетрясение в афганском Файзабаде и ждала чего-нибудь подобного, но тут оставалось впечатление, что завод просто срезали с лица земли какими-то огромными тупыми ножницами, которые плохо резали металл, а только рвали его.

Мы с Чугунковым ходили по берегу и решили не смотреть на жилые дома поселка. Там уже работали спасатели. Самое общее представление о силе, обрушившейся на остров, мы уже получили.

Чугунков приказал Семену ехать в штаб спасательных работ, расположившийся в огромной палатке, поставленной на окраине поселка по дороге к островному Совету. Шел ровный,

мелкий, просто какой-то нескончаемый дождь. Вездеход пробирался между лужами воды, больше похожими на небольшие озера.

– Смотри, Ольга, – сказал Семен, указывая рукой на какое-то животное, плавающее в луже воды размером с хорошую городскую площадь.

– Кто это? – спросила я удивленно.

– Котик, наверное, – пожал плечами Семен. – Да это ладно... Говорят, на склоне Лысой кита нашли. Сейчас его вертолетом цепляют, чтобы в воду выпустить.

Мы проехали через поселок, где жили рабочие завода. Здесь завалы были побольше, бревна и щиты – все, что осталось от бараков, – прикрыли собой корпуса завода, и волна шла уже не ножом, а ломилась какой-то тупой кувалдой, по крайней мере такое впечатление производили стены одинаково разрушенных жилых зданий поселка пограничников. С восточной стороны торчали обломы стен с совершенно голой землей перед ними, а с западной за каждой стеной виднелись завалы, идущие почти вровень с ней.

Спасатели в красных и голубых куртках растаскивали обломки щитовых стен, трубы, доски. Уже работали два небольших подъемных крана, осторожно поднимавших крупные железобетонные и металлические конструкции.

Штабная палатка стояла на пологом склоне небольшого холма, на котором сиротливо торчали в пустое небо метра на полтора пеньки сосен со свежими мокрыми сломками стволов.

Метрах в тридцати от палатки, прямо на склоне холма, виднелся внушительных размеров катер, завалившийся на один бок и упирившийся бортом в обломки стволов. На его носу я увидела гарпунную пушку, укрепленную на вынесенной над носом вперед металлической консоли.

«Китобои, – подумала я, прикидывая, сколько веса будет в этом судне. – Ни фиги себе... Пстой, но ведь охота на китов запрещена?!»

Мутная, парализующая мысль о слепой природной силе, сметающей на своем пути абсолютно все, возведенное ничтожными, по сравнению с ней, людьми, мелькнула у меня в голове, но я тотчас отогнала ее. Нужно работать, а не размышлять о превосходстве природы над человеком. Об этом еще в Кодексе Первых Спасателей говорится: «Природа сильнее, но человек – упорней!»

Едва появившись в палатке, Чугунков произвел переполох, так как был первым членом государственной комиссии по ликвидации последствий стихийного бедствия, появившимся на острове. Он тут же устроил совещание, заставив меня присутствовать на нем. Впрочем, я об этом не пожалела, поскольку мне тоже необходимо было понять картину происшедшего во всех подробностях.

Первым все порывался высказаться начальник островного отдела внутренних дел, который очень напомнил мне участкового из фильма «Хозяин тайги» – та же живая непосредственность и наивная уверенность, что его работа – самая важная. Чугунков заткнул ему рот и жестом посадил на место – в палатке успели соорудить к приезду начальства лавки и столы, за которыми и расположились все начальники служб и отрядов спасателей.

Чугунков поднял геофизика из Владивостока, долговязого очкарика с рыжей бородой, на котором штормовка висела мешком и вообще казалась вещью инородной. Голос у него оказался слишком слабым для того, чтобы владеть палаточной аудиторией, и она скоро начала потихоньку жужжать – каждому было чем поделиться с соседом. Мне приходилось напрягать слух, чтобы расслышать подробности, и в конце концов я перебралась поближе к очкарику. Он говорил о причинах стихийного бедствия, а это меня очень интересовало.

– Как известно, вдоль Курильских островов, – начал геофизик, – проходит западный край ложа Тихого океана. Земная кора океанического типа сменяется здесь континентальной, и это – самая сейсмически активная полоса на земном шаре. На окраинах Тихого океана выделяется девяносто процентов суммарной энергии землетрясений, происходящих на земле. Если,

например, в молодом горном районе материка Евразия, на Памире, землетрясения происходят примерно раз в месяц, то в прибрежных зонах Тихого океана они случаются по нескольку раз на дню...

– Молодой человек, – перебил его Чугунков, чем вызвал, между прочим, мое раздражение, потому что все, что говорил очкарик, имело непосредственное отношение к заданию, которое дал мне тот же Чугунков, – не устраивайте нам тут популярную лекцию о землетрясениях. Мы не в университете. Ближе к делу...

– Хорошо, – пожал тот плечами. – Я только хотел сказать, что землетрясения в этом районе – вещь обычная, а вот цунами случаются достаточно редко, такой силы, как вчерашнее, – чрезвычайно редко. Все зависит от расположения очага землетрясения, от его интенсивности и рельефа дна... Наша владивостокская сейсмостанция зарегистрировала усиление сейсмической активности вчера в пятнадцать тридцать. За час результаты были обработаны, подтверждены новыми наблюдениями. По прогнозу выходило, что возможность возникновения мощного цунами превышает семьдесят процентов. Это очень высокая вероятность цунами. Мы сразу же послали предупреждение в Южно-Курильск. Затем, когда детально просчитали направление волны, сообщили, что она пройдет точно по острову Шикотан. Из-за того что очаг землетрясения находится в Курило-Камчатском океаническом желобе на глубине восемь с половиной километров и сейсмическая волна поднимается к поверхности, отражаясь от стенок желоба, на выходе она имеет сегментарное строение. Другими словами, сейсмический удар по приповерхностной массе воды, который и вызвал цунами, имел очень короткий, почти точечный фронт, что вызвало и волну достаточно непродолжительной фронтальной протяженности. Но в силу тех же самых причин – весьма интенсивную по амплитуде...

Чугунков вздохнул и поднял руку, призывая публику к тишине.

– Я понимаю, – сказал он, – что все хотят высказаться, разойтись по своим отрядам и заняться делом. А вот молодой человек...

Он показал рукой на очкастого геофизика.

– ...этого не понимает. Я переведу то, что он сказал, на обычный язык. Волна была очень высокой, но длиной – всего чуть больше юго-восточного побережья острова Шикотан. Поэтому, кроме него, другие острова не пострадали. Слегка зацепило южным краем волны самую восточную часть японского острова Хоккайдо. Расположенный западнее Шикотана остров Итуруп фактически не пострадал, так как волна израсходовала почти всю энергию на Шикотан. Ее подводная часть разбилась об основание Шикотана, а надводный вал без подпирающей его подводной части истощился... – Генерал замолчал и сказал геофизику: – Продолжайте, пожалуйста, но попроще и только по существу.

Геофизик пожал плечами и продолжил:

– Предупреждение, таким образом, было передано за четыре часа до расчетного прохождения цунами через остров. Наша группа обработала материалы в нормативное время, передала сигнал предусмотренным инструкцией способом, вряд ли к нам могут быть какие-то претензии, тем более что мы давали долгосрочный прогноз еще за...

– Достаточно! – перебил его Чугунков, не дав договорить.

Мне показалось, он сделал это нарочно, чтобы заткнуть рот геофизику. Чугунков явно поспешил остановить его, он не хотел, чтобы все слышали то, что геофизик собирался сказать о долгосрочном прогнозе.

«Надо будет непременно встретиться с этим долговязым! – подумала я. – Мне кажется, у него я смогу узнать немало из того, что меня интересует».

Чугунков тем временем поднял главу островной администрации, плотного коренастого мужчину с пышными усами и лысой головой. Он был мрачен и неразговорчив. Видно, случившееся его сильно потрясло. Все, чем он управлял, было фактически разрушено.

Лысый сообщил, что предупреждение из Южно-Курильска получили за три часа пятьдесят минут до прохождения волны, на острове объявили чрезвычайное положение и начали срочную эвакуацию. Эвакуировались в рекордно короткие сроки. За десять минут до прохождения волны на острове не оставалось ни одного человека. Успели даже вывезти с консервного завода часть готовой продукции.

Погибло, вернее пропало без вести, трое – двое мужчин и женщина, ушедшие на охоту на склоны Лысой горы. Они пока не обнаружены. Вероятно, их унесло в пролив между Шикотаном и Кунаширом.

Рабочие завода, бессемейные, завербованные по контракту, размещены в общежитии южнокурильского рыбного техникума. Решается вопрос с их трудоустройством и выплатой среднего заработка за дни, оставшиеся до окончания сроков по контракту. Мужчинам предложено принять участие в восстановительных работах. Из ста восьмидесяти человек рабочих-мужчин согласились тридцать. Сейчас они помогают спасателям, расчищающим завалы в жилом поселке...

Чугунков поднял руку, и все замолчали.

– Вы наверняка знаете, что в жилом поселке не оставалось ни одного человека, когда подошла волна? – спросил он жестко.

– Точно, – ответил на его вопрос лысый негромко, но очень уверенно.

– А на самой территории консервного завода?

– Я сам проверял корпуса и опечатывал двери, – ответил островной начальник.

– Сядьте! – сказал Чугунков и резко спросил, обращаясь ко всем собравшимся: – Руководитель спасательных работ здесь?

– Я здесь, Константин Иванович! – недоуменно отозвался молодой мужчина в форме полковника МЧС, сидящий за столом рядом с Чугунковым, справа от него.

– Чем сейчас заняты спасатели, поступившие в ваше распоряжение? – резко спросил Чугунков.

– Завалы разбирают... – недоуменно произнес полковник и густо покраснел.

– Я отстраняю вас от руководства работами, – заявил Чугунков. – Передадите дела вашему заместителю, подполковнику Сорокину. Вы вернетесь в Москву в распоряжение главного штаба МЧС. Приказ получите в Южно-Курильске при посадке в самолет.

– Есть отправляться в Москву, – уныло пробормотал полковник. Его карьеру в МЧС можно было считать законченной. – Разрешите идти?

Но Чугунков уже не замечал его.

– Подполковник Сорокин! – назвал он фамилию только что назначенного нового руководителя спасательных работ, и из первого ряда поднялся пожилой полноватый мужчина с усталым лицом. – Сколько спасателей работает сейчас на Шикотане?

– Семьдесят пять человек, – ответил Сорокин. – Из них пятьдесят на разборе завалов в поселке, десять отправлены на рекогносцировочный обход берега для определения размеров причиненного ущерба, пятнадцать прочесывают склоны горы Лысой в поисках троих пропавших местных жителей.

– Людей с завалов немедленно снять, – приказал ему Чугунков, – и направить на поиски пропавших. Мы спасатели, а не ремонтно-восстановительная бригада. Подъемные краны оставить в распоряжении островной администрации, нашими вертолетами помочь им доставить сюда пять бульдозеров. Под завалами людей нет. Работы можно вести интенсивнее, грести все подряд, использовать бульдозеры, взрывать, наконец! И вообще – это уже не наше дело... Выполняйте.

Подполковник повернулся, чтобы выйти из палатки.

– Подождите, Сорокин, – вернул его Чугунков. – Сообщите в Южно-Курильск, чтобы самолет с московской группой спасателей заправили и вернули обратно в Москву. Здесь уже и так наших людей в избытке. Мешать друг другу будем... Идите.

Сорокин вышел.

«Круто развернулся! – подумала я. – Только мне тоже что-то непонятно – он сам-то лишь сейчас узнал, что предупреждение было получено за четыре часа до цунами и что людей успели вывезти? Ему не передали информацию о приближении цунами? Никогда в это не поверю! Тогда что же это сейчас было? Спектакль? Но сыграно, конечно, эффектно! Не подозревала, что Чугунков такой артист... Интересно, зачем ему все это?»

– Давайте теперь вы, Никаноров! – вызвал он наконец измаявшегося уже окончательно начальника островного отдела милиции.

– Докладываю, товарищ генерал! – оживился тот. – На острове постоянно проживают триста пятнадцать человек. Это по данным нашего паспортного стола. Двести десять из них – рабочие и руководители консервного завода. Трое, ушедшие на охоту на гору Лысую, – из постоянно проживающих. Остальных, в том числе контрактников, взял на борт сухогруз «Охотник» и доставил на Сахалин.

– Меня интересуют только трое пропавших на острове, – отрезал Чугунков. – С остальными разбирайтесь сами. Всех вы предупреждали?

Милицейский начальник замялся:

– Тут дело такое... Предупреждение мы им передали, конечно... Женщин и детей вывезли. Но мужчины в это время ушли в море.

– Выражайтесь точнее, майор, – сказал Чугунков. – Что значит – «в море»? В Кунаширский пролив или в сторону океана.

– В океан ушли, на восток, – ответил, потупившись, милиционер.

– Та-к! – крикнул Чугунков. – Сколько человек?

– Восемь, – ответил майор, – шесть взрослых и два подростка.

– Что о них известно с тех пор? – мрачно спросил Чугунков.

– Ничего, – помотал головой милицейский майор. – Некого послать на поиски...

– Как это некого, мать вашу? – взорвался Чугунков. – Срочно передать радиogramму во Владивосток, командующему Тихоокеанским флотом. От моего имени. Просим помощи. Координаты квадратов поиска. Ответ передадите мне. Идите! Стойте! С японцами контакт установлен?

Майор пожал плечами.

– Так это – пограничники должны... – неуверенно сказал он.

– Разрешите, товарищ генерал? – поднялся человек в форме морского пограничника. – Капитан-лейтенант Евграфов, заместитель начальника отряда.

Чугунков глянул на него вопросительно.

– К нам обратились японцы с просьбой помочь в поиске группы охотников, японцев, унесенных в океан откатной волной. Я думаю, речь идет об одних и тех же людях, потому что в сообщении японских пограничников была какая-то путаница – охотники назывались то японцами, то русскими, то вообще – рыбаками. Мы решили, что разберемся с этим вопросом после, когда найдем их. Поиски ведутся.

– Откуда о них стало известно японцам? – спросил Чугунков.

– Они утверждают, что подобрали одного из унесенных, его заметил самолет береговой охраны и сообщил на их заставу. Сейчас в поисках участвуют пять наших, восемь японских пограничных катеров и три вертолета японских спасателей.

Я видела, что Чугунков разозлен до последней степени. Наши, российские, спасатели выглядели бестолковыми и беспомощными, в их действиях не было ни элементарной логики, ни хотя бы минимальной ответственности за жизнь потерпевших бедствие людей.

– Капитан Николаева! – сказал Чугунков.

Я встала и вопросительно уставилась на него.

– Отправитесь к пограничникам. Разберитесь там с этими охотниками-рыбаками и унесенными в океан японцами. И учтите, Николаева, я предпочитаю, чтобы это оказались разные люди... Не хватало только, чтоб японцы сообщали нам, что в открытый океан унесло граждан России! И самыми последними почему-то об этом узнаем мы, спасатели!

– Разберемся, – пообещала я. – Но прежде я хотела бы...

– Вы поняли приказ, капитан Николаева? – жестко перебил меня Чугунков. – Выполняйте!

Я молча повернулась и вышла из палатки. Следом за мной выбрался капитан-пограничник. Он поглядывал на меня с интересом, уловив, видимо, некоторую неофициальность нашего с Чугунковым общения.

– Идемте, капитан, – сказал он мне. – Я получил от Чугункова жесткую «просьбу» – помочь вам в выполнении вашего задания.

«Точно выразился! – подумала я. – Просьбы у Чугункова сегодня – как приказы, а приказы – как приговоры... Что с ним? Нервный какой-то. И потом – что это за фраза – «я предпочитаю, чтобы это оказались...». Тут уж предпочитай не предпочитай, как есть, так и есть. Или он это специально сказал – для меня? Подсказывал, что ему доложить – независимо от того, как будет на самом деле? Не узнаю сегодня Чугункова. Неужели его так разозлили промахи этого полковника, которого он в Москву отправил?»

– Везите меня, капитан, на заставу, – сказала я пограничнику, продолжая думать о Чугункове.

«Но он же должен был сам знать о том, что остров заранее готов к бедствию, что люди вывезены, – не давала мне покоя одна и та же мысль. – И не за четыре часа... Что там хотел сказать геофизик о долгосрочном прогнозе? Чугунков просто рот ему заткнул! Но если он знал обо всем хотя бы за несколько дней, он должен был сам проследить за всем! Чугунков не такой человек, чтобы не удостовериться в том, что все сделано правильно, все готово к отражению стихии. Или по крайней мере – к ее встрече. И тем не менее он не возражает, когда в район бедствия летят отряды спасателей и только из Южно-Курильска отправляет их обратно... Я просто ничего не понимаю в его поведении».

Вдруг меня осенила конструктивная идея, связанная со сбором необходимой информации. «Геофизики, – подумала я, – не могли не выслать в район цунами, в район этого землетрясения своих наблюдательных отрядов или какой-нибудь срочной экспедиции. Они должны быть или здесь, на острове, или в океане. И в том, и в другом случае пограничники должны знать, где они находятся...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.